

**РОССИЙСКИЙ СОВЕТ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ДЕЛАМ**

РАБОЧАЯ ТЕТРАДЬ

**КОНЦЕПЦИЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ
(RESILIENCE): РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ
РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
С ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ**

№ 55 / 2019

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

МОСКВА 2019

УДК [159.944.4:327](470:4)(035.3)

ББК 88.572-69я81+66.4(4),9(2Рос),3я81

К65

Российский совет по международным делам

Редакционная коллегия

Главный редактор:

докт. ист. наук, член-корр. РАН **И.С. Иванов**

Авторский коллектив:

канд. полит. наук **Т.А. Романова**; канд. полит. наук **Е.Б. Павлова**; канд. ист. наук **Е.Ю. Трещенков**; канд. полит. наук **Н.Н. Гудалов**; канд. полит. наук **Д.С. Тулупов**; **Ю.Ю. Колотаев**; **Г.В. Коцур**; **С.В. Мазаник**; **А.Н. Малова**

Выпускающие редакторы:

канд. полит. наук **И.Н. Тимофеев**; **О.А. Пылова**

К29 **Романова, Т.**

Концепция стрессоустойчивости (resilience): рекомендации для России в контексте взаимодействия с Европейским союзом: рабочая тетрадь 55/2019 / [Т. Романова, Е. Павлова, Е. Трещенков, Н. Гудалов, Д. Тулупов, Ю. Колотаев, Г. Коцур, С. Мазаник, А. Малова]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2019. – 40 с. Авт. и ред. указаны на обороте тит. л.

ISBN 978-5-6042567-4-9

Данная работа посвящена проблеме стрессоустойчивости на национальном и международном уровнях и ее значению в современной мире. Авторы анализируют стрессоустойчивость в ЕС, а также актуальные вопросы взаимодействия Европейского союза и России в этом контексте. Особое внимание уделено анализу альтернативных, западных интерпретаций стрессоустойчивости.

УДК [159.944.4:327](470:4)(035.3)
ББК 88.572-69я81+66.4(4),9(2Рос),3я81

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01110).

Высказанные в рабочей тетради мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Полный текст рабочей тетради опубликован на интернет-портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке — russiancouncil.ru/paper55

Содержание

Резюме	4
Понятие «стрессоустойчивости»	8
Стрессоустойчивость в повестке глобального управления	12
Стрессоустойчивость в Евросоюзе: проблема нормативности	16
Стрессоустойчивость в Евросоюзе: проблема угроз	20
Стрессоустойчивость в регионе общего соседства России и ЕС	25
Стрессоустойчивость в политике незападных игроков	30
Об авторах	36

Резюме

Концепция стрессоустойчивости (*resilience*) возникает в 1970-е гг. в экологии, а затем постепенно проникает в другие науки, в т.ч. в политологию и международные отношения. Взрыв ее популярности пришелся на начало XXI в. и был связан с ростом непредсказуемости развития, с невозможностью предотвратить некоторые угрозы и существовавшей у государства и общества необходимостью быть готовыми к выполнению базовых функций в любых условиях. В результате идея стрессоустойчивости была интегрирована в различные сферы социальной и политической деятельности, активизировался дискурс о стрессоустойчивости на национальном и международном уровнях. Европейский союз сделал стрессоустойчивость одним из центральных концептов своей внешней политики в 2016 г.

Теоретические разработки концепции стрессоустойчивости (особенно в политологии и международных отношениях) основаны на неолиберализме, их объединяют четыре аспекта. Во-первых, стрессоустойчивость рассматривается как качество, присущее любой системе. Во-вторых, стрессоустойчивость имеет аналитический характер и лишена нормативных коннотаций. В-третьих, вызовы, угрозы и позволяющие справиться с ними ресурсы всегда составляют одну систему. Стрессоустойчивость — это ответ на внутреннее возмущение в системе, перегруппировка элементов для достижения равновесия либо в старой, либо в новой точке. Наконец, речь может идти о различных системах и, в конечном счете, об уровнях этих систем.

В России пока отсутствует даже общепринятый перевод термина «*resilience*», не говоря о принятии концепции и ее внедрении в практику. Слово «стрессоустойчивость» представляется наиболее адекватным вариантом перевода. Во-первых, оно позволяет избежать смешения с другими концепциями (например, устойчивое развитие) и использования терминов точных наук. Во-вторых, оно акцентирует вызов (стресс) и адаптацию (устойчивость) в ответ на него. Анализ показывает, что практики стрессоустойчивости в России уже присутствуют, хотя их осмысление запаздывает. А современные угрозы (например, терроризм, кибератаки, фейковая информация) требуют принятия соответствующих решений и внедрения особых техник управления.

В международной деятельности, в особенности в отношениях с Евросоюзом, можно выделить пять направлений, где применение концепции стрессоустойчивости, реагирование на соответствующий дискурс повысили бы эффективность внешней политики России. Во-первых, термин «стрессоустойчивость» используют многие международные организации. Он также присутствует в Парижском соглашении по предотвращению изменения климата 2015 г. Довольно активно стрессоустойчивость в последние годы задействуют различные акторы при формулировании доктрин арктической политики. В этих условиях России было бы полезно включиться в общемировую дискуссию о значении и смыслах стрессоустойчивости. Это позволило бы избежать монополизации рассматриваемой концепции странами

Запада и ее последующего использования в качестве нового ценностно-ориентированного инструмента. Артикуляция стрессоустойчивости наряду с другими распространенными в мире концепциями также позволит России говорить с ведущими зарубежными партнерами на одном языке и улучшит коммуникацию по наиболее чувствительным пунктам двусторонней и многосторонней повестки.

Во-вторых, дискурс Евросоюза о стрессоустойчивости существенно отличается от академических подходов к стрессоустойчивости. Прежде всего, Брюссель трактует ее как новую норму, характеризующую только демократические государства. Акцент на необходимости использовать стрессоустойчивость как аналитическую категорию представляет большое практическое значение с точки зрения ограничения попыток ослабить позиции Российской Федерации на международной арене. Такое использование концепции также позволяет подчеркнуть, что стрессоустойчивость отношений России и ЕС проистекает из их неизбежности, а также из прошлого опыта и сохраняющейся ткани сотрудничества (например, в энергетике, вопросах безопасности, охране окружающей среды). И это следует артикулировать в ответ на нынешнее нормативное использование категории «стрессоустойчивость» в Евросоюзе.

В-третьих, в своем дискурсе о стрессоустойчивости ЕС акцентирует внимание на угрозах, а не на ресурсах. При этом многие угрозы артикулируются как исходящие от России (в энергетике, новостном и цифровом пространствах). Это позволяет Евросоюзу говорить о единой системе (включающей и его, и Россию), но одновременно фиксирует второстепенное положение Москвы. В этом контексте России было бы уместно напомнить, что многие угрозы универсальны для обоих акторов и всей системы. Следовательно, имеет смысл совместно повышать стрессоустойчивость. Общность угроз также позволяет России почерпнуть некоторые практики ЕС по развитию стрессоустойчивости (опора на рынок, обучение граждан, мультипликация вовлеченных игроков). Побочным эффектом таких шагов будет повышение доверия к России со стороны международных партнеров, что положительно скажется на взаимодействии в целом.

Кроме того, Евросоюз стал активно использовать дискурс о стрессоустойчивости в отношении своих соседей, в том числе прилегающего постсоветского пространства. При этом качественно взаимодействие ЕС и стран Восточного партнерства мало изменилось. Перенос акцента на местные ресурсы не произошел. Нормативность дискурса ЕС о стрессоустойчивости усилила требования по политической трансформации партнеров, тогда как поддержание экономической стрессоустойчивости остается на заднем плане. Профилирование российских угроз и формат взаимодействия ЕС с постсоветскими странами исключает конструктивное участие России. Все это ведет к тому, что геополитическая конфронтация в регионе сохраняет свой накал. В этом контексте Москве стоило бы вернуться к академическим концепциям стрессоустойчивости и акцентировать внимание на том, что экономическая живучесть постсоветских стран по-прежнему зависит от

России. При этом Москве не следует требовать нормативного сближения и политической приверженности ее идеям от стран общего соседства: это лишь ослабляет потенциал, который ей дает гарантия экономической стрессоустойчивости постсоветских государств.

Наконец, хотя концепции стрессоустойчивости появились на Западе, западные игроки активно используют их для легитимации собственной деятельности, а также для повышения своей внешней привлекательности. Например, АСЕАН использовал этот термин с самого начала своей работы, но делал акцент на государственном уровне и местных практиках взаимодействия государства и общества. КНР в качестве ядра стрессоустойчивости видит экономику, в том числе рост ВВП, развитие торговых и инвестиционных контактов с третьими странами. Этот путь могла бы использовать и Россия для повышения своей внутренней и внешней привлекательности. В качестве основы могли бы выступить борьба с терроризмом, в том числе практики взаимодействия государства и общества, или вызов России мировому либеральному порядку как путь его совершенствования.

В целом использование стрессоустойчивости во внешней политике России (и особенно в отношениях с ЕС) можно свести к трем направлениям. Первое — понимание академических трактовок стрессоустойчивости и соответствующих практик, использование их потенциала для борьбы с различными современными вызовами, а также для упрочения отношений с третьими странами (например, постсоветским пространством). Второе — внимание к специфике дискурса о стрессоустойчивости различных международных игроков, прежде всего ЕС, конструктивное участие в соответствующих дискуссиях. Третье — использование стрессоустойчивости как новой нормы и пустого означающего, наполнение его собственным содержанием для повышения своей привлекательности на международной арене.

Основные рекомендации

- Принять единый и последовательный перевод термина *«resilience»* для обозначения советующих концепций и дискурсов. Слово «стрессоустойчивость» представляется предпочтительным.
- Включить категорию «стрессоустойчивость» в различные нормативные акты, поскольку соответствующие практики уже сложились в России.
- Взять на вооружение концепции стрессоустойчивости, используемые в современных дебатах по глобальному управлению, что позволит качественнее участвовать в обсуждении международных проблем.
- Обращаться к концепции стрессоустойчивости при выстраивании отношений с партнерами, для которых она стала базовой. Особо важным это представляется для диалога с Евросоюзом, в дискурсе которого стрессоустойчивость приобрела нормативный характер.
- Подчеркнуть современную общность угроз стрессоустойчивости России и Евросоюза (например, от терроризма, киберпреступлений, дезинформации, перебоев в энергоснабжении) и необходимость сотрудничества.

- Учесть опыт зарубежных стран по повышению стрессоустойчивости. Это расширит спектр работы с угрозами, позволит отстаивать включение России в регулирование сфер взаимозависимости, а также повысит уровень доверия западных партнеров к Москве.
- Выстраивать взаимодействие с постсоветскими странами, исходя из того, что их экономическая стрессоустойчивость обеспечивается Россией. Не пытаться использовать это для политической, идеологической конфронтации с ЕС.
- Обращаться к концепции стрессоустойчивости при необходимости обособовать свою внешнюю политику. Россия должна уметь говорить на том же языке, что и другие крупные державы, а также использовать соответствующий инструментарий.
- Использовать стрессоустойчивость как новую норму, наполнять ее оригинальным содержанием для легитимации собственной деятельности, а также для повышения своей внешней привлекательности.

Понятие «стрессоустойчивости»

Категорию стрессоустойчивости (*resilience*) в 1973 г. ввел в научный оборот канадский эколог К. Холлинг. Он утверждал, что любая система, которой удается выживать, обладает стрессоустойчивостью, то есть способностью к адаптации и восстановлению после шоков¹. Практически сразу стрессоустойчивость как «наука о сложной адаптивной системе и операционной стратегии утвердила себя в качестве доминирующего дискурса в управлении природными ресурсами»². В последующие десятилетия эта концепция обрела широкую популярность и в других областях: от экономики и городского планирования до политологии и международных отношений. Базой для широкого распространения стрессоустойчивости в теории и на практике стали соответствие современному неолиберализму и идея, что стрессоустойчивостью обладает не только природа, но и общество, которое может анализироваться и как часть социо-экологической системы, и как отдельная система. Выработка стратегий поддержания стрессоустойчивости в разных сферах общества стала основной линией современных дебатов. Стрессоустойчивость по своей сути — это организационный принцип современной политической жизни³. Никакие катастрофы уже не могут обозначаться как «Божье провидение»; их возникновение, масштаб и последствия лишь демонстрируют качество управления обществом⁴. Таким образом, концепция стрессоустойчивости востребована в рамках политических наук именно как принцип управления. Основой исследований выступает неолиберализм.

В теоретическом плане четыре аспекта заслуживают детального рассмотрения. Первое и базовое: стрессоустойчивость представляет собой системное свойство. Иными словами, любая работающая система располагает своим ресурсом адаптации к угрозам и потрясениям. В случае истощения этого ресурса система исчезает.

Второе: стрессоустойчивость — это аналитическое качество, не связанное с нормативной (этической) характеристикой. Политический режим не диктует наличие или отсутствие данного свойства у государства или общества: стрессоустойчивой может быть и демократия, и авторитаризм, и тоталитаризм. 20 лет назад активно обсуждалась стрессоустойчивость авторитарного режима в КНР⁵. А в современном западном политическом дискурсе преобладает восприятие стрессоустойчивости как позитивного качества, присущего лишь демократическому обществу. Отличным примером этого может быть Глобальная стратегия ЕС (ГСЕС) 2016 г. Подобные практики

¹ Holling C.S. Resilience and stability of ecological systems // Annual review of ecology and systematics. 1973, vol. 4, no 1, pp. 1-23.

² Walker J., Cooper M. Genealogies of Resilience: From Systems Ecology to the Political Economy of Crisis Adaptation // Security Dialogue. 2011, vol. 42, no. 2, pp. 143–160.

³ Brasset J., Croft S., and Vaughan-Williams N. Introduction: An Agenda for Resilience Research in Politics and International Relations // Politics. 2013, vol. 33, no. 4, pp. 222.

⁴ Chandler D. Resilience: the Governance of Complexity. Abingdon and New York, 2014.

⁵ Nathan A.J. China's Changing of the Guard: Authoritarian Resilience // Journal of Democracy. 2003, vol. 14, no. 1, pp. 6–17.

приписывания нормативной компоненты хоть и противоречат теоретическим дебатам, могут быть интересными для презентации и отдельных общественных достижений.

Третий важный теоретический аспект состоит в том, что в парадигме стрессоустойчивости никакие вызовы не видятся как внешние; и вызовы, и противопоставляемые им ресурсы составляют часть системы. Вызов формируется в недрах системы, и она же находит возможности адаптации к новым условиям функционирования. Более того, и вызовом, и ресурсом в ряде случаев может выступать один элемент системы. При этом система стремится адаптироваться к новым условиям в ходе турбулентности, перейти на новый уровень для сохранения своих базовых функций. Сохранение стабильности, возврат к прошлому состоянию необязательны. Дихотомия субъекта и объекта, общества и природы не удовлетворяют более эпистемологическим запросам исследователей стрессоустойчивости: фокус их анализа сконцентрирован на взаимосвязях разных частей единой системы и на перегруппировке ее элементов. Например, когда речь идет о кризисе, связанном с безопасностью общества, ресурсом выступает критическая инфраструктура, куда входит вся совокупность стратегических коммуникаций общества и государства (от электронных сетей до запасов питьевой воды). Критическая инфраструктура зачастую принимает на себя всю тяжесть системного вызова, и вывод из эксплуатации конкретных ее частей грозит городу, государству или обществу прекращением выполнения жизненно важных функций⁶. Но другие участки критической инфраструктуры помогают справиться с последствиями кризиса. Концепции стрессоустойчивости подчеркивают необходимость поддержания разнообразных ресурсов системы, в т.ч. некоторого резерва, который может быть задействован в условиях вызова⁷.

Наконец, четвертый аспект академических концепций стрессоустойчивости состоит в наличии разных уровней в системе и в их нелинейном взаимодействии. В парадигме стрессоустойчивости невозможно воспринимать какой бы то ни было вызов как внешний, поэтому возникает вопрос: как быть, если вызов видится как внешний? В этом случае концепции стрессоустойчивости обращаются к уровням анализа: выделяются глобальный, региональный, национальный, локальный, индивидуальный уровни, на каждом из которых могут по-разному проявиться ресурсы стрессоустойчивости. Например, вызов коррупции на международном уровне заставит обратиться не только к проблемам отдельных государств, но и к системе практик их взаимодействия. Анализ же стрессоустойчивости коррупционных практик внутри страны фокусируется на вызовах и ресурсах ее политико-экономической системы. Соответственно, при обращении к стрессоустойчивости важно понимать, о какой именно системе идет речь и как ее границы могут быть переосмыслены. Любая система имеет множество уровней; если угроза сформировалась вне локального социума и впоследствии повлияла на него, то это

⁶ Brassett J., Vaughan-Williams N. Security and the performative politics of resilience: Critical infrastructure protection and humanitarian emergency preparedness // Security Dialogue. 2015, vol. 46, no 1, pp. 32-50.

⁷ Martin R., Sunley P. On the notion of regional economic resilience: conceptualization and explanation // Journal of Economic Geography. 2015, vol. 15, no. 1, pp. 7, 27-29.

лишний раз подчеркивает взаимосвязь разных частей системы. При этом взаимодействие между уровнями может вести и к противоречиям⁸.

Перевод слова «*resilience*» на русский язык в социальных науках пока не устоялся. В словарях используются варианты из точных наук или психологии («эластичность», «упругость», «выносливость», «живучесть», «жизнеспособность», «сопротивляемость»). Появляются также сложносоставные термины, некоторые из них узкоспециальны («ударная вязкость», «упругая деформация», «повышение устойчивости», «потенциал противодействия»). Инженерные и психологические переводы можно использовать для изучения социальных процессов лишь с изрядной долей метафоричности. Кроме того, они акцентируют стабильность (характерную для изучения *resilience* в этих дисциплинах), а в социальных науках *resilience* подразумевает и адаптацию под влиянием разных возмущений. Перевод «устойчивость» создает риск смешения категорий «*sustainability*» и «*resilience*». Сложносоставные термины требуют пояснений, которые также искажают концептуальное наполнение термина. Например, перевод «потенциал противодействия» требует уточнить «чему», какой угрозе, а в категории «*resilience*» акцент сделан на ресурсах системы. В связи с этим представляется, что перевод на русский язык термина «*resilience*» как «стрессоустойчивость» оптимален для обозначения соответствующих концепций, социальных явлений, практик управления и дискурсов⁹.

Проиллюстрируем базовые аспекты концепции стрессоустойчивости на примере реагирования городского социума Санкт-Петербурга на террористическую атаку. 3 апреля 2017 г. в вагоне метрополитена прогремел взрыв; после этого подземный транспорт прекратил работу, что привело к транспортному коллапсу в мегаполисе. Однако гражданская активность (самоорганизация элементов системы) помогла городу минимизировать влияние кризиса. Сразу после трагедии возникли группы волонтеров, члены которых помогали пострадавшим получить необходимое, а жителям города — сориентироваться в новой логистике города. Службы такси и обычные водители бесплатно предоставляли свои услуги петербуржцам, оказавшимся вдали от дома¹⁰. Эту низовую самоорганизацию дополнили массовые проявления солидарности граждан друг к другу: кафе и заправочные станции предоставляли питание без оплаты, к пунктам сбора крови выстроились длинные очереди¹¹. Коммуникацию обеспечивали социальные сети. Городская власть также была задействована. Было организовано информирование населения по всем каналам, в т. ч. в социальных сетях. Наземный общественный транспорт перешел на бесплатную работу, а его маршруты были скорректиро-

⁸ Coaffee J., Fussey P. Constructing resilience through security and surveillance: The politics, practices and tensions of security-driven resilience // *Security Dialogue*. 2015, vol. 46, no. 1, pp. 86-105.

⁹ Гудалов Н.Н., Тулупов Д.С. Семиотика стрессоустойчивости в международных отношениях: многообразие академических и политических смыслов // *Полития*. 2018. № 1. С. 135-147. Романова Т.А. Категория «стрессоустойчивость» в Европейском союзе // *Современная Европа*. 2017. № 4. С. 17-28.

¹⁰ Тулупов Д.С., Коцур Г.В. Концепция стрессоустойчивости как методологическая основа нового подхода к борьбе с международным терроризмом // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2019. Т. 21. № 2. С. 358-372.

¹¹ Там же.

ваны¹². Иными словами, каждый уровень продемонстрировал свою стрессоустойчивость; они дополняли друг друга.

Аналогичная реакция наблюдалась и в других городах мира. После теракта 2015 г. в Париже водители самоорганизовались через социальные сети и развозили пострадавших по домам¹³. В 2010 г. при землетрясении на Гаити граждане незамедлительно образовали волонтерские группы спасателей¹⁴. Политические режимы могут отличаться, но ресурсы стрессоустойчивости общества реализуются схожими образами. Это иллюстрирует тот факт, что стрессоустойчивость — аналитическая характеристика любой работающей социо-экологической системы. Попытки нормативно-ориентированного, этического взгляда на проблематику служат скорее политическим, нежели научным целям, а также противоречат примерам из действительности.

Вместе с тем то, что стрессоустойчивостью обладают все живучие системы, не должно мешать политике поддержания стрессоустойчивости. «Живучими» могут оказаться и преступность, и крайняя бедность. Меры повышения стрессоустойчивости бывают более или менее удачными. Все чаще отмечается, что стрессоустойчивость не всегда равна воспроизводству статуса-кво; она предполагает и прогресс (например, решение некоторых социальных проблем). Следовательно, стратегия повышения стрессоустойчивости государств и обществ становится актуальным вопросом. Базовые аспекты концепции стрессоустойчивости предоставляют плодотворную почву для осмысления вопросов безопасности и развития на локальном, национальном и международном уровнях.

¹² Наземный транспорт Петербурга будет работать бесплатно до конца дня // Интерфакс. 03.04.2017.
URL: <https://www.interfax.ru/russia/556642>

¹³ Hong E. Resilience in Paris // Los Angeles Times. 13.10.2015.
URL: <http://www.latimes.com/opinion/op-ed/la-oe-resilience-in-paris-20151113-story.html>

¹⁴ Haiti earthquake: News updates // Cable News Network. 15.01.2010.
URL: <http://edition.cnn.com/2010/WORLD/americas/01/14/haiti.updates/index.html>

Стрессоустойчивость в повестке глобального управления

В последнее десятилетие концепция стрессоустойчивости проникла в курс ключевых организаций глобального управления. В первую очередь речь идет об организациях ООН, интегрировавших стрессоустойчивость в категориальный аппарат политик развития и предотвращения последствий стихийных бедствий. В ключевом документе, определяющем приоритеты развития человечества до 2030 г. («Цели устойчивого развития»), это понятие упоминается в двух положениях из 17¹⁵. Стрессоустойчивость понимается как новый элемент политики развития, позволяющий странам-реципиентам успешно противостоять разрушительным последствиям кризисов и успешно восстанавливаться после них за счет оптимизации международных ресурсов, а также собственных ресурсов на национальном и локальном уровнях¹⁶. Социально-экономическую и макрофинансовую составляющие стрессоустойчивости изучают эксперты Всемирного банка и МВФ. Президент Всемирного банка называл укрепление стрессоустойчивости перед лицом разнообразных угроз одним из трех приоритетов организации¹⁷. Предполагается достичь цели путем усложнения систем и появления большего количества игроков (бизнеса, неправительственных организаций, государственных структур)¹⁸. В целом структуры ООН склонны заимствовать неолиберальную версию стрессоустойчивости.

Как прикладной инструмент стрессоустойчивость активно разрабатывается в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Ее эксперты предлагают методику анализа стрессоустойчивости систем, позволяющую сформировать программы комплексного укрепления стрессоустойчивости реципиентов помощи развитию¹⁹. Предлагается вначале выявить угрозы и определить, как различные элементы системы реагируют на эти угрозы. Следующая стадия заключается в исследовании механизмов поддержания стрессоустойчивости, определении основных участников процесса и доступных им ресурсов. На завершающем этапе выстраивается стрессоустойчивость всей системы²⁰. Состоянием, противоположным

¹⁵ UN Resolution "Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development" // UN. 21.10.2015.
URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E

¹⁶ Resilience Building in Response to the Syria Crisis // UNDP. 2014.
URL: <https://www.undp.org/content/dam/rbas/doc/SyriaResponse/Kuwait%20III/Resilience%20Building%20In%20response%20to%20the%20Syria%20Crisis%20Eng.PDF>

¹⁷ Jim Yong Kim Speech at The World Bank Group's Mission: To End Extreme Poverty // World Bank. 03.10.2016.
URL: <http://www.worldbank.org/en/news/speech/2016/10/03/speech-by-world-bank-president-jim-yong-kim-the-world-bank-groups-mission-to-end-extreme-poverty>

¹⁸ Prasad N., Ranghieri F., Shah F., Trohanis Z., Kessler E., Sinha R. Climate Resilient Cities: A Primer on Reducing Vulnerabilities to Disasters // World Bank. 2009. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTEASTASIAPACIFIC/Resources/226262-1217025557988/climatecities_cover_foreword.pdf

¹⁹ What is resilience and how to operationalise it? // OECD.
URL: <https://www.oecd.org/dac/conflict-fragility-resilience/risk-resilience>

²⁰ OECD resilience systems analysis: Turning strategy into action // OECD.
URL: <https://www.oecd.org/dac/conflict-fragility-resilience/publications/Resilience%20brief.pdf>

стрессоустойчивости, предлагается считать хрупкость (*fragility*). К рецептам ОЭСР проявляют интерес и другие международные акторы. Так, учесть эти наработки предлагали эксперты Европейского парламента при интеграции концепции стрессоустойчивости во внешнюю деятельность ЕС²¹.

Популярность и ареал распространения дискурса о стрессоустойчивости в повестке глобального управления объясняют два обстоятельства. Во-первых, категория «стрессоустойчивость» давно используется в ведущих странах Запада (США, Великобритании, Франции) в сферах безопасности и противодействия чрезвычайным ситуациям. Именно через взаимодействие национальных экспертов и бюрократов с секретариатами системы ООН и ОЭСР стрессоустойчивость как категория, доказавшая свою прикладную ценность на национальном уровне, проникла в дискурс глобального управления. Во-вторых, взаимосвязанные внутренние кризисы и внешние вызовы потребовали от международных доноров расширения спектра традиционных механизмов глобального управления, переосмысления границ систем и более эффективного расходования ограниченных финансовых ресурсов. Лейтмотивом внедрения стрессоустойчивости в дискурс глобального управления стало стремление переложить часть ответственности за будущее реципиентов международной помощи на них самих.

Заменит ли концепция стрессоустойчивости терминологию устойчивости (*sustainability*) и устойчивого развития (*sustainable development*)? Сегодня устойчивое развитие в большей степени касается продвижения таких моделей развития, которые позволили бы избежать хотя бы части рисков, проистекающих из особенностей современного этапа развития человечества. Философия же стрессоустойчивости в большей степени созвучна идеям Н. Лумана о неизбежности риска как интегральной части рационально принимаемых решений²². В то же время пока на уровне ООН отсутствует определенность относительно места стрессоустойчивости среди категорий современного глобального управления.

Включение стрессоустойчивости в документы по глобальному управлению требует от России, как одного из ключевых мировых акторов, участия в соответствующих дискуссиях. Эффективная коммуникация делает насущной адаптацию соответствующей терминологии, понимание ее наполнения, выдвижение при необходимости альтернатив. То, что категория «стрессоустойчивость» еще внедряется, дает России хорошие шансы на принятие участия в обновлении подходов, разработанных ранее западными государствами. Более того, система ООН в условиях современного кризиса в отношениях Россия — Запад остается той площадкой, где возможно и необходимо участие России в выработке концептуальных предложений по инструментарию глобального управления. Наконец, несмотря на доминирующие неолиберальные трактовки стрессоустойчивости, в ООН отсутствует излишняя политизация вопросов безопасности и управления рисками.

²¹ Resolution of European Parliament of 1 June 2017 on resilience as a strategic priority of the external action of the EU (2017/2594(RSP)) // European Parliament. 01.06.2017.
URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0242_EN.html

²² Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 135-160.

Однако пока Москва слабо представлена в соответствующих экспертных дискуссиях, что не соответствует и ее вкладу в международную помощь развитию, и статусу в мировой политике в целом. Причин тому много: от сохраняющейся оторванности России от общемировых трендов в области гуманитарного знания и экспертизы, задаваемых пока Западом, до кризиса в отношениях с США и Евросоюзом. Имеет место и некоторое пренебрежение участием в англоязычных дискуссиях на уровне ООН. В российском дискурсе также отсутствует понимание того, что «*resilience*» — это понятие, несущее концептуальную нагрузку. Именно в таком ключе стрессоустойчивость используется в Парижском соглашении по климату 2015 г.²³ Даже российские экологи, споря о качестве русского перевода текста этого соглашения, демонстрируют неосведомленность. В официальной русскоязычной версии Парижского соглашения *resilience* переводится как «сопротивляемость»²⁴. Критики этого перевода предлагают для *resilience* использовать слово «устойчивость», что должно, по их мнению, придать русскому переводу большую благозвучность²⁵. В таком виде, очевидно, полностью исчезнет смысл *resilience* как концепции, призванной дополнить и трансформировать дискурс об устойчивом развитии. В русскоязычных версиях других базовых документов ООН (Сендайской рамочной программы, Целей устойчивого развития и др.) *resilience* и вовсе переводится непоследовательно: и как «потенциал противодействия», и как «жизнестойкость», и как «стойкость»²⁶.

Еще один пример важности понимания категории «стрессоустойчивость» дает Северо-Атлантический Альянс (НАТО), где проникновение стрессоустойчивости в повестку происходило в условиях украинского кризиса и резкого ухудшения отношений России с США и ЕС. В результате стрессоустойчивость была подана в контексте противодействия угрозам безопасности, исходящим от России, прежде всего, гибридным. Упрочению концепции содействовала опасность международного терроризма. В итоге понятие «стрессоустойчивость» было вписано в систему стратегического планирования НАТО, а также прочно вошло в дискурс ее представителей. В этой связи для Москвы важно исследовать не только то, какие угрозы предлагается нейтрализовывать с помощью концепции стрессоустойчивости, но и какие отношения НАТО дискурсивно формирует с Россией в результате, как они определяют видение и перспективы сотрудничества сторон.

Конкретным проявлением стрессоустойчивости в системе международного сотрудничества стала способность России и США продолжить конструктивное взаимодействие в решении региональных вопросов в Арктике, несмо-

²³ Paris Agreement. United Nations // United Nations Climate Change. 2015.
URL: https://unfccc.int/sites/default/files/english_paris_agreement.pdf

²⁴ Рамочная конвенция об изменении климата // United Nations Climate Change. 12.12.2015.
URL: <https://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/rus/09r.pdf>

²⁵ Юлкин М. Парижское соглашение: трудности перевода // Независимая газета. 20.03.2018.
URL: http://www.ng.ru/ng_energiya/2018-03-20/12_7193_climat.html?fbclid=IwAR1ekzJUS1RnWNC-ejiZhZqtWfpcJJHucyH_FYDBldcDnS7fWt5aVhW0zak

²⁶ Подробнее см.: Трещенков Е.Ю. Стрессоустойчивость в современных дискурсах управления // Власть. 2018. № 8. С. 24-31.

тря на обострение политических противоречий²⁷. Практики стрессоустойчивости можно проследить и в российской Арктике, хотя они пока не получили должного осмысления.

Одновременно категория «стрессоустойчивость» в последние годы активно использовалась как государствами – членами Арктического совета, так и внерегиональными акторами при формировании доктрин освоения Севера. При этом одни игроки (Соединенное Королевство, Европейский союз) вкладывали в нее нормативный смысл, обосновывая таким образом необходимость принятия остальными игроками (прежде всего Россией) определенного регуляторного режима при освоении арктических ресурсов, а также свое право участвовать в управлении регионом. Другие же (Финляндия, Дания, США) ссылаются на категорию «стрессоустойчивость» для маркирования инструментов регионального развития, требующих приоритетного финансирования. В основном речь идет о комплексе информационных и организационно-коммуникационных мер для улучшения социально-экономических и экологических условий жизни малых коренных народов Севера.

В России теоретические наработки по стрессоустойчивости пока остаются неосвоенными. Отсутствует этот термин и в политическом дискурсе. Исправление данного пробела может иметь большое значение для упрочения международного сотрудничества на Севере и трансляции соответствующих практик в другие регионы для улучшения управления Севером, а также для повышения качества коммуникации России с другими странами относительно выработки общих концептуальных и нормативных рамок развития Арктики.

²⁷ В октябре 2015 г. был создан форум служб береговой охраны арктических стран (Arctic Coast Guard Forum), в мае 2017 г. было подписано Соглашение об укреплении международного арктического научного сотрудничества, а в октябре 2018 г. – соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана. Актуализируется и вопрос укрепления мер доверия.

Стрессоустойчивость в Евросоюзе: проблема нормативности

Первые упоминания термина «стрессоустойчивость» в документах Европейского экономического сообщества (ЕЭС, предшественника Европейского союза (ЕС)) появились в 1980-х гг. во внутренней деятельности, в экономике и охране окружающей среды. В конце 1990-х гг. ЕС начинает использовать термин в отношениях с третьими странами, вначале также в экономике и природоохранной деятельности, т.е. там, где наличие единой системы «ЕС — партнеры» было очевидным. В 2006 г. Брюссель поднял уже тему стрессоустойчивости институтов государства и гражданского общества развивающихся стран перед лицом различных опасностей²⁸. А в 2012 г. Европейская комиссия опубликовала сообщение, в котором впервые определила «стрессоустойчивость» как «способность индивида, домохозяйства, сообщества, страны или региона противостоять стрессам и шокам, адаптироваться к ним и быстро восстанавливаться после них»²⁹. Затем появились еще несколько документов, детализирующих действия ЕС по укреплению стрессоустойчивости хрупких государств³⁰. Таким образом, во второй декаде XXI в. в ЕС упрочилось употребление термина «стрессоустойчивость» в отношении государственных институтов и обществ третьих стран. Такое использование требовало от Брюсселя определения новой системы, в которую включен и Союз, и развивающиеся страны. В противном случае концепция сводилась к интервенционизму³¹.

В 2016 г. в ГСЕС термин «стрессоустойчивость» становится центральным (он повторяется около 40 раз). Стратегия четко обозначает целью Евросоюза укрепление «стрессоустойчивости государств и обществ в ЕС и вокруг него»³². Н. Точки, ключевой координатор подготовки текста, приводит три причины выбора термина «стрессоустойчивость». Первая — поиск баланса

²⁸ Joint statement by the Council and the representatives of the governments of the Member States meeting within the Council, the European Parliament and the Commission on European Union Development Policy: The European Consensus on Development. Brussels. (2006/C 46/01) // EUR-lex. 24.02.2006.
URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:42006X0224\(01\)&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:42006X0224(01)&from=EN)

²⁹ Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. The EU Approach to Resilience: Learning From Food Security Crises. Brussels. COM(2012) 586 final // European commission. 03.10.2012.
URL: https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/the_eu_approach_to_resilience_-_learning_from_food_security_crises-com2012_586_final.pdf

³⁰ Council Conclusions on EU approach to resilience. 3241st Foreign Affairs Council meeting. 28.05.2013.
URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/137319.pdf;
European Commission Action Plan for Resilience in Crisis Prone Countries 2013-2020. Commission Staff Working Document. Brussels. SWD(2013) 227 final // European commission. 19.06.2013.
URL: https://ec.europa.eu/echo/files/policies/resilience/com_2013_227_ap_crisis_prone_countries_en.pdf;
European Commission. Resilience Marker General Guidance. Brussels. Ref. Ares(2014)3883617 // European commission. 21.11.2014.
URL: https://ec.europa.eu/echo/files/policies/resilience/resilience_marker_guidance_en.pdf

³¹ Juncos A.E. Resilience as the New EU Foreign Policy Paradigm: a Pragmatist Turn? // European security. 2017, vol. 26, no. 1, pp. 1–18.

³² Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy // European Union. 02.06.2016.
URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf

между продвижением нормативной повестки и реалистическими, геополитическими соображениями. Вторая — желание примирить два направления внешней деятельности ЕС, где этот термин уже использовался, хотя и имел разные коннотации: политики развития и безопасности³³. Наконец, третья причина — непредсказуемость развития, неспособность публичных властей предугадать и предотвратить опасности³⁴. Эта последняя причина наиболее полно отражает современные академические дебаты о стрессоустойчивости, но была добавлена уже постфактум, по результатам экспертного обсуждения ГСЕС³⁵. Таким образом, определяющими были опыт и интересы Евросоюза, а не устоявшийся комплекс знаний о стрессоустойчивости.

Упрочение концепции стрессоустойчивости во внешней деятельности потребовало от ЕС уточнения дефиниций. Стрессоустойчивость была определена как «способность государств и обществ реформироваться, сопротивляясь внешним и внутренним кризисам и восстанавливаясь после них»³⁶. ГСЕС также фиксирует связь стрессоустойчивости ЕС и состояния дел у его соседей, а также соседей его соседей, т.е. категория становится точкой сборки внешней и внутренней политики Брюсселя. Эта связь показывает, и о какой системе говорит Евросоюз, что позволяет ему поощрять в партнерах стрессоустойчивость, являющуюся внутренней характеристикой системы.

В то же время и ГСЕС, и последующее Сообщение о стрессоустойчивости³⁷ экстраполируют опыт ЕС по продвижению ценностей на новую категорию внешней деятельности. Упомянутые документы фиксируют, что «стрессоустойчивое государство — это безопасное государство, а безопасность — ключ к процветанию и демократии», а также что «стрессоустойчивое общество с демократией, верой в институты и устойчивым развитием находится в основании стрессоустойчивого государства»³⁸. Таким образом, связь между демократией, стрессоустойчивостью и безопасностью закольцовывается, а ЕС продолжает традицию внешней деятельности как продвижения демократии, прав человека и верховенства закона. И это первое существенное отличие трактовки Евросоюза от академических дискуссий о стрессоустойчивости: Брюссель превращает ее из аналитической в нормативную категорию.

Однако появляется и новый акцент. Выстраивая новую систему, в рамках которой ЕС продвигает стрессоустойчивость, он четко фиксирует неравенство между собой, «излучающим» ценности, и партнерами, восприни-

³³ Tocci N. Framing the EU Global Strategy. A Stronger Europe in a Fragile World. Cham, 2017, pp. 70.

³⁴ Выступление на семинаре «ЕС и Стрессоустойчивость: спрашивая теорию, политику и практику», Рим, 9 ноября 2018 г.

³⁵ См. для сравнения книгу Н. Точчи о разработке ГСЕС, где эта причина не упоминается. Tocci N. Framing the EU Global Strategy. A Stronger Europe in a Fragile World. Cham, 2017.

³⁶ Ibid.

³⁷ Joint Communication to the European Parliament and the Council. A Strategic Approach to Resilience in the EU's external action // European Union External Action. 07.06.2017.
URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/27711/A%20Strategic%20Approach%20to%20Resilience%20in%20the%20EU's%20External%20Action

³⁸ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy // European Union. 02.06.2016.
URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf

мающими их или угрожающими этим нормам. Россия в ГЧЕС относится к этой последней категории. Согласно ГЧЕС, «мир и стабильность в Европе более не являются данностью» из-за нарушений «Россией международного права и дестабилизации ситуации в Украине»³⁹. Более того, многие угрозы для стрессоустойчивости своей и соседей ЕС видит исходящими от России. Если концепция нормативной силы Европы предполагала будущее преодоление разделения между донором ценностей и реципиентами⁴⁰, то стрессоустойчивость уже не дает такой возможности.

Четыре обстоятельства подтверждают непреодолимое неравенство. Во-первых, говоря о стрессоустойчивости, ЕС определяет ее только для третьих стран, но не для себя. Свою стрессоустойчивость он воспринимает как данность, не требующую дефиниций. А стрессоустойчивость партнеров необходимо развивать; следовательно, ее контуры надо очертить. Во-вторых, весь инструментарий (программы реформ, финансовая и техническая помощь) сохраняется, ЕС лишь дискурсивно перенастраивает его на поддержку стрессоустойчивости. Некоторые исследователи характеризуют этот процесс как технократическую интервенцию, которая будет генерировать меньшую (по сравнению с предыдущим опытом) оппозицию⁴¹. В-третьих, ЕС оставляет за собой право определять, какие нормы верны и применимы, в т.ч. для новых угроз стрессоустойчивости, диктуя соответствующие правила своим партнерам. Наконец, в качестве партнеров в третьих странах ЕС идентифицирует и государственные структуры, и гражданские общества. Это позволяет напрямую социализировать граждан третьих стран в соответствии с нормами ЕС, а также «дисциплинировать»⁴² государства изнутри, стимулируя гражданскую, низовую активность.

Важность стрессоустойчивости для Евросоюза делает необходимым для России (как и других партнеров) как минимум ее осмысление с учетом специфики трактовки Брюсселя, а как максимум — применение этой категории на практике. Дискурс ЕС о стрессоустойчивости серьезно затрудняет диалог, поскольку его нормативная интерпретация ограничивает возможность равенства других акторов в применении этой категории. Лимитируются альтернативные интерпретации стрессоустойчивости, а равенство остается базовым требованием внешнеполитической деятельности Москвы.

В основе поддержания стрессоустойчивости двухсторонних отношений России и ЕС должна лежать не нормативная, а аналитическая интерпретация стрессоустойчивости, принятая на академических дебатах. Она соответствует и зыбкому сотрудничеству ЕС и России сегодня, и ориентации России

³⁹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy // European Union. 02.06.2016.
URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf

⁴⁰ Павлова Е.Б., Романова Т.А. Нормативная сила: теория и современная практика России и ЕС // Полис. 2017. Вып. 1. С. 162-176.

⁴¹ Juncos A.E. Resilience as the New EU Foreign Policy Paradigm: a Pragmatist Turn? // European security. 2017, vol. 26, no. 1, pp. 12.

⁴² Joseph J. Resilience as Embedded Neoliberalism: a Governmentality Approach // Resilience. 2013, vol. 1, no. 1, pp. 38-52.

на равенство на мировой арене. Более того, выше было продемонстрировано, что в кризисных обстоятельствах стрессоустойчивость разных политических систем проявляется одинаково. Поэтому важным элементом могла бы стать демонстрация сходства между практиками стрессоустойчивости западных обществ и российского. Тожественность низовой самоорганизации, где взаимная помощь и солидарность становятся базой стрессоустойчивости, свидетельствует о том, что разница между нашими обществами не так велика, как ее часто представляют.

Если брать за основу систему отношений Россия — ЕС, то отправной точкой дискуссий могла бы стать неизбежность этих связей в силу географической близости, плотности контактов, интенсивности культурного диалога, неделимости некоторых угроз. И эта неизбежность формирует первый ресурс двусторонних связей. Другим может быть проблема глобальной и региональной безопасности, в т.ч. терроризм, миграция, неконтролируемое распространение оружия массового поражения и ядерных технологий. Даже сегодня, в период кризиса, очевидно, что акторы должны продолжать взаимодействие, иначе под угрозой оказывается весь регион и даже мир. Потенциально новой сферой сотрудничества может быть охрана окружающей среды как область, пока не политизированная на двустороннем уровне. Третий ресурс — это обращение к уже устоявшимся практикам взаимодействия. Один из примеров — сотрудничество в области безопасности (например, в борьбе с терроризмом). Культура, образование, наука дают другую иллюстрацию. Очевидно, сохраняется потенциал энергетического сотрудничества, основанного на взаимных выгодах. Здесь речь могла бы идти не только о возобновлении былых практик, но и о признании и интенсификации экспертных консультаций по поддержке сотрудничества в контексте энергетического перехода.

Стрессоустойчивость в Евросоюзе: проблема угроз

Еще одна особенность дискурса о стрессоустойчивости Евросоюза — это концентрация внимания не на ресурсах, позволяющих системе сохранять основные функции, а на угрозах. Это второй параметр, который отличает дискурс ЕС от академических концепций стрессоустойчивости. ГСЕС⁴³ и Сообщение 2017 г.⁴⁴ отмечают важность стрессоустойчивости в отношении нестабильности поставок углеводородов, дезинформации и кибератак, терроризма и неконтролируемых потоков иммигрантов. Первые три угрозы ЕС ассоциирует с Россией, в ГСЕС это прослеживается косвенно, а в Сообщении 2017 г. уже четко артикулируется. Однако логика работы с этими угрозами типична для ЕС и может быть экстраполирована и на другие вызовы.

Первая угроза, которую ЕС связывает с Россией, — это стабильность снабжения. Москва сохраняет ключевые позиции в энергетике Союза по экспорту углеводородов и угля⁴⁵, а также ядерных материалов⁴⁶. Согласно прогнозам Брюсселя на период до 2050 г., доля и объемы потребляемого газа сохранятся. Следовательно, останется и зависимость ЕС от России и внешних рынков в целом. В то же время ухудшение отношений с Москвой, а также подозрения Брюсселя в (возможном) использовании Россией поставок энергоресурсов в целях политического давления заставляют ЕС искать пути управления этой зависимостью. Две другие угрозы новые, т.н. гибридные, то есть «комбинирующие традиционные и нетрадиционные методы» и «используемые государством или другим актором»⁴⁷. Угроза дезинформации вызвана сочетанием диверсификации источников новостей и роста популярности социальных сетей, что позволяет децентрализованно распространять не только качественные, достоверные данные, но и (политически или экономически мотивированные, а также просто ошибочные) ложные сообщения. Россия также воспринимается как дестабилизирующий актор⁴⁸, когда речь идет о киберпространстве, ограничить которое территорией

⁴³ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy // European Union. 02.06.2016.

URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf

⁴⁴ Joint Communication to the European Parliament and the Council. A Strategic Approach to Resilience in the EU's external action // European Union. 07.06.2017.

URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/27711/A%20Strategic%20Approach%20to%20Resilience%20in%20the%20EU's%20External%20Action

⁴⁵ Energy in figures. Statistical Pocketbook. Luxembourg, 2018. P. 26.

⁴⁶ Communication to the European Parliament and the Council. European Energy Security Strategy // European Union. 28.05.2014.

URL: <https://www.eesc.europa.eu/resources/docs/european-energy-security-strategy.pdf>

⁴⁷ Joint Communication to the European Parliament and the Council. Joint Framework on countering hybrid threats a European Union response. European Commission and High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. Brussels. JOIN (2016) 18 final // EUR-lex. 06.04.2016.

URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52016JC0018>

⁴⁸ См., например: European Parliament resolution of 12 March 2019 on the state of EU-Russia political relations European Parliament. (2018/2158(INI)), P8_TA-PROV(2019)0157 // European Parliament. 12.03.2019.

URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2019-0157_EN.pdf

интеграционного образования невозможно.

Во всех трех случаях существует два диаметрально противоположных пути работы с угрозами. В энергетике их условно называют геополитическим и рыночным. Первый предполагает, что природные ископаемые — это стратегический ресурс; следовательно, государство стремится самостоятельно производить нефть, газ или их альтернативы, минимизировать потребление извне и внешнюю зависимость или организовывать поставки из стран, пользующихся доверием⁴⁹. Второй путь видит энергетические ресурсы как простые товары; следовательно, рынок предстает как правильное средство управления ими, а вмешательство государства должно быть ограничено обеспечением прозрачных и универсальных трансграничных правил⁵⁰. Термин «стрессоустойчивый энергетический союз» (СЭС) изначально предполагал крен в сторону геополитической парадигмы⁵¹. Однако практическая работа по реализации СЭС сконцентрировалась в Европейской комиссии, традиционно продвигающей рыночную парадигму⁵². В результате развитие местной возобновляемой энергетики, диверсификация источников и путей транспортировки, а также повышение энергоэффективности, не нарушающие конкурентоспособность, стали сутью стрессоустойчивости в энергетике.

В случае с дезинформацией исследователи предлагают патерналистский и адаптивный пути решения проблемы. В первом случае государство отгораживается от глобального информационного пространства, ограничивает распространение (предположительно) недостоверных новостей, приоритетом становится защита граждан⁵³. На уровне ЕС патерналистская страте-

⁴⁹ Correlje A., Linde van der C. Energy Supply Security and Geopolitics: A European Perspective // *Energy Policy*. 2006, vol. 34, no. 5, pp. 532-543;
Finon D., Locatelli C. Russian and European Gas Interdependence: Could Contractual Trade Channel Geopolitics? // *Energy Policy*. 2008, vol. 36, pp. 423-442;
Stoddard E. Reconsidering the Ontological Foundations of International Energy Affairs: Realist Geopolitics, Market Liberalism and a Politico-Economic Alternative // *European Security*. 2013, vol. 22, no. 4, pp. 437-463;
Westphal K. Energy Policy between Multilateral Governance and Geopolitics: Whither Europe? // *Internationale Politik und Gesellschaft*. 2006, no. 4, pp. 44-62.

⁵⁰ Bielecki J. Energy Security: Is the Wolf at the Door? // *The Quarterly Review of Economics and Finance*. 2002, vol. 42, no. 2, pp. 235-250;
Goldthau A., Sitter N. A Liberal Actor in a Realist World? The Commission and the External Dimension of the Single Market for Energy // *Journal of European Public Policy*. 2014, vol. 21, no. 10, pp. 1452-1472;
Goldthau A., Witte J.M. *Global Energy Governance: the New Rules of the Game*. Washington, 2010;
Mitchell et al. *The New Economy of Oil: Impacts on Business, Geopolitics and Society*. London, 2001;
Stoddard E. Reconsidering the Ontological Foundations of International Energy Affairs: Realist Geopolitics, Market Liberalism and a Politico-Economic Alternative // *European Security*. 2013, vol. 22, no. 4, pp. 437-463.

⁵¹ Tusk D. A united Europe can end Russia's energy stranglehold // *Financial Times*. 21.04.2014.
URL: <https://www.ft.com/content/91508464-c661-11e3-ba0e-00144feabdc0>

⁵² Communication from the Commission to the European Parliament and the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank. A Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-Looking Climate Change Policy. Brussels. COM/2015/080final // *EUR-lex*. 25.02.2015.
URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:1bd46c90-bdd4-11e4-bbe1-01aa75ed71a1.0001.03/DOC_1&format=PDF

⁵³ Hacıyakupoglu G., Hui J.Y., Suguna V.S., Leong D., Rahman M.F.B.A. Countering Fake News: A Survey of Recent Global Initiatives // *RSIS Policy Report*. 2018.
URL: <https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/cens/countering-fake-news-a-survey-of-recent-global-initiatives/#.XJogsyzZPa>;
Yatid M.M. Truth Tampering Through Social Media: Malaysia's Approach in Fighting Disinformation & Misinformation // *IKAT: The Indonesian Journal of Southeast Asian Studies*. 2019, vol. 2, no. 2, pp. 203-230.

гия отчасти проявляется в деятельности Оперативной рабочей группы по стратегическим коммуникациям (СтратКом), которая проводит мониторинг российских СМИ и опровергает их сообщения (в т.ч. когда речь идет лишь о высказывании некоего мнения). Адаптивный путь характеризуется логикой приспособления к угрозе⁵⁴, его суть состоит в обучении индивидов тому, как отделять ложную информацию от истинной, а также в комплексе добровольных практик общества и бизнеса, не ограничивающих свободу информации. Его олицетворяет Европейская комиссия, продвигающая добровольные практики саморегулирования, программы факт-чекинга, просветительскую деятельность среди граждан⁵⁵. Стрессоустойчивость в сфере дезинформации реализуется через синтез адаптивного подхода с элементами патернализма (как деятельность СтратКом).

Наконец, методы управления киберсредой также условно распадаются на реалистический и либеральный⁵⁶. ЕС традиционно выступает сторонником либерального подхода, согласно которому киберпространство — это общественное благо и элемент рынка. Следуя этой логике, ЕС ставит себя в позицию регулятора, который отвечает за создание справедливого и эффективного режима работы с информацией⁵⁷. Однако кибератаки последних лет выкристаллизовывают элементы реалистического дискурса среди институтов ЕС. В соответствии с ним, киберпространство — источник опасностей; оно не подвержено регулированию и требует установления суверенных границ и превентивных мер для защиты⁵⁸. Логика реализма прослеживается и в недавнем стремлении ЕС к технологическому протекционизму, во внимании к киберобороне. Обращение к стрессоустойчивости позволяет ЕС примирить ценностные устремления и реалии киберугроз.

Во всех трех угрозах выбор стратегии действий, который характеризуется термином «стрессоустойчивость», предполагает доминирование либеральной парадигмы, т.е. логики, уважающей рыночные ценности и личные свободы (информации, слова). Как отмечает ГЕСЕ, «Союз не может поднять

⁵⁴ Burkhardt J.M. Combating fake news in the digital age. Library Technology Reports. vol. 53, no. 8. // Chicago: ALA Tech-Source, 2017;
Niklewicz K. Weeding out Fake News: An Approach to Social Media Regulation. Brussels: Wilfried Martens Centre for European Studies, 2017.

⁵⁵ Joint Communication to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions. Action Plan against Disinformation. Brussels. (JOIN(2018) 36 final). 05.12.2018.
URL: https://ec.europa.eu/commission/publications/action-plan-disinformation-commission-contribution-european-council-13-14-december-2018_en

⁵⁶ Manjikian M. McEvoy From global village to virtual battlespace: the colonizing of the Internet and the extension of Realpolitik // International Studies Quarterly. 2010, vol. 54, pp. 381-401.

⁵⁷ Dutton W.H., Peltu M. The new politics of the internet Multi-stakeholder policy-making and the internet technocracy // Routledge Handbook of Internet Politics / ed. by A. Chadwick, P. N. Howard. London, 2009. pp. 384-401;
Murray A.D. The regulation of cyberspace: control in the online environment. Routledge-Cavendish, 2007.

⁵⁸ Demchak C.C. Uncivil and Post-Western Cyber Westphalia: Changing interstate power relations of the cybered age // The Cyber Defense Review. 2016, vol. 1, no. 1, pp. 49-74;
Dunn Cavetty M., Brunner M. E. Introduction: Information, power, and security – an outline of debates and implications // Power and security in the in-formation age: Investigating the role of the state in cyberspace / M. Dunn Cavetty, V. Mauer, S.F. Krishna-Hensel (eds.). Aldershot, 2007, pp. 1-18;
Nye Jr. J. S. Deterrence and Dissuasion in Cyberspace // International Security. 2016/2017, vol. 41, no. 3, pp. 44-71.

мосты, чтобы оградить себя от внешних угроз», поскольку «изоляция только лишит его возможностей глобализованного мира»⁵⁹. И это принципиально важно, т.к. границы системы, в рамках которой ЕС поощряет стрессоустойчивость, выходят за пределы его территории. Иными словами, проблемы во внутренней системе Евросоюза решаются за счет действий в большей системе, включающей соседей, Россию и некоторых других акторов.

Однако особенность заключается в том, что, формулируя дискурсивно эту систему на основе объективной взаимозависимости, Евросоюз оставляет за собой право прописывать правила и нормы, которые ей будут управлять. ГЕСС подчеркивает, в частности, что ЕС намерен «управлять взаимозависимостью, учитывая все возможности, вызовы и страхи, которые принесет этот выбор»⁶⁰. В практической плоскости это означает, что ЕС оставляет за собой право определять нормы, которые будут действовать в системе, выходящей за его границы. Существует множество каналов, с помощью которых этого можно достичь. Самый очевидный из них — программы экономических и политических преобразований для соседних стран. Другой путь — трансляция норм на уровень международных организаций, которые включают и соседей, и партнеров ЕС. Еще одна возможность — обуславливание деятельности компаний третьих стран на рынке ЕС тем, что они соблюдают в своей работе нормы ЕС и на его территории, и за ее пределами. Наконец, контакты с гражданскими обществами третьих стран можно рассматривать как мягкий путь социализации граждан соответствующих государств в нормы ЕС с последующей реализацией соответствующих правил за пределами Союза.

Все это еще раз подтверждает вывод, сделанный в предыдущем разделе: продвигая стрессоустойчивость в системе, выходящей за его пределы, ЕС фиксирует для себя позиции нормативного гегемона. Какие шаги может предпринять Россия? Прежде всего, важно переформулировать угрозы как общие для Евросоюза и России. Это касается и фейковой информации, и кибербезопасности, где оба актора уязвимы перед рисками и опасностями, исходящими от третьих, часто негосударственных, акторов. Это изменение перспективы потребует серьезных усилий и России, и ЕС, что вряд ли возможно в краткосрочной перспективе в существующей атмосфере недоверия.

Другое важное направление — работа с ЕС в рамках международных организаций над общими правилами и нормами в ситуации неизбежности правовой гармонизации. Эти форумы дают площадку для дискуссии. И в этой связи необходимо вернуться к ранее сделанному выводу о необходимости для России понимания концепций стрессоустойчивости, о внимании к соответствующим дискурсам и о способности грамотно артикулировать свою позицию и озабоченности.

⁵⁹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy // European Union. 02.06.2016.
URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf

⁶⁰ Ibid.

Наконец, тот факт, что Россия сталкивается с аналогичными угрозами, заставляет задуматься о возможности принятия некоторых практик и мер Евросоюза, доказавших свою эффективность. Опора на открытость и рынок позволит Москве с большей легитимностью требовать права определять условия энергетического сотрудничества наравне с Западом, в т.ч. в части свободной торговли и гарантий поставщикам. Такой подход будет способствовать и разработке ресурсов в России, и повышению ее энергоэффективности, и большей опоре на российское голубое топливо в период энерготрансформации в ЕС. Принятые в 2019 г. в России изменения в законе об информации⁶¹ направлены на пресечение дезинформации в патерналистском ключе. Однако остановить потоки информации невозможно. Это обуславливает необходимость обратиться к практике ЕС по передаче части ответственности бизнес-структурам и по повышению медиаграмотности граждан, что позволит качественно приспособиться к новой информационной среде. В сфере киберугроз Россия также пока отдает предпочтение информационному суверенитету, но это ограничивает развитие бизнеса, не повышая стрессоустойчивость системы в целом. Привлечение к управлению множества акторов, концентрация на киберсреде, включающей не только технологии, но и людей, позволят создать более гибкую и надежную систему кибербезопасности. Все эти шаги по нейтрализации современных угроз уменьшают и государственное бремя регулирования. Они также будут в целом повышать доверие к России как партнеру на международной арене, в т.ч. со стороны ЕС.

⁶¹ Федеральный закон от 18.03.2019 № 31-ФЗ "О внесении изменений в статью 15-3 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" // Официальный интернет-портал правовой информации. 18.03.2019. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903180031>

Стрессоустойчивость в регионе общего соседства России и ЕС

Концепция стрессоустойчивости ЕС проникла в регион общего соседства России и ЕС в 2015 г. в ходе пересмотра Европейской политики соседства (ЕПС)⁶² и подготовки ГСЕС. Одним из триггеров стал украинский кризис 2014 г., дополнительно политизировавший концепцию. При этом общие угрозы стрессоустойчивости стали «ресурсом сотрудничества»⁶³ ЕС с восточными соседями; последние превратились во внешний контур обеспечения стрессоустойчивости ЕС. Впоследствии понятие продолжило быть широко используемым в рамках ЕПС⁶⁴.

В самом общем виде стрессоустойчивость региона общего соседства России и ЕС в глазах Брюсселя должна строиться на основе формирования таких внутренних ресурсов восточных партнеров, которые позволили бы им абсорбировать внутренние и внешние угрозы и одновременно сократить зависимость от России. Одним из императивов реформы было стремление стабилизировать соседей на Юге и Востоке путем предоставления им большей автономии и учета местной специфики политического и социально-экономического развития. В этом ключе внедрение в ЕПС стрессоустойчивости подчеркивает — по крайней мере, декларативно — внимание Брюсселя к ресурсам соседних стран.

Однако реализация обновленной ЕПС продолжает повторять паттерны, заложенные в нее еще в момент запуска, в 2003-2004 гг. Формировать стрессоустойчивость соседям предлагается через реализацию пакета реформ, прямо или косвенно одобренного Евросоюзом, что ограничивает их свободу действий и реальную опору на собственные ресурсы. В отличие от южных соседей восточные считаются частью «Европы», определение идентичности которой Брюссель продолжает считать своим монопольным правом. Это усугубляет настойчивость со стороны ЕС в отношении предложенных им реформ на Востоке.

Не отказался Евросоюз и от диалога с гражданским обществом в обход властей соседних государств. Это может и далее подрывать стабильность и усиливать напряженность в отношениях между правящими элитами и отдельными частями обществ этих государств. Такие последствия будут прямо противоречить заявленной Евросоюзом цели по укреплению «обще-

⁶² Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions "Review of the European Neighbourhood Policy". Brussels. European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. JOIN(2015) 50 final // European Commission. 18.11.2015.

URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/neighbourhood/pdf/key-documents/151118_joint-communication_review-of-the-enp_en.pdf

⁶³ Личное интервью Т.А. Романовой, октябрь 2018 г.

⁶⁴ Joint Report to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Report on the Implementation of the European Neighbourhood Policy Review // European Union. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/2_en_act_part1_v9_3.pdf

ственного договора» в третьих странах⁶⁵. Что касается учета разнообразия социально-экономических и политических моделей соседних государств, здесь также произошел лишь временный отказ Брюсселя от излишнего давления. ЕС продолжает делить соседей на тех, кто продвигается по пути сближения с ним, и на тех, кто пока не вступил на этот путь.

Цель политического и нормативного сближения также подменяет учет потребностей и особенностей соседей. Более того, иногда ЕС шел на поддержку лишь внешне «проевропейских» сил, которые на деле были далеки от провозглашаемых ЕС ориентиров. Показателен случай с Молдовой, когда Евросоюз долгое время мирился с высокой коррумпированностью представителей правящей проевропейской коалиции. Опасения относительно прихода к власти в стране политических сил, выступающих за сближение с Россией (прежде всего, Партии социалистов), побуждали Брюссель воздерживаться от прямой поддержки общественных групп, протестующих против коррупции.

Сам по себе дискурс о стрессоустойчивости мало интересен политическим и экспертным кругам соседних стран. Они используют его не для характеристики внутренней специфики своих стран или практики управления, а как риторический инструмент для демонстрации близости с ЕС в совместных документах. По-прежнему сохраняется и ситуация, при которой Евросоюз исходит в своих отношениях с восточными соседями из геополитической логики, в том числе из соображений конкуренции с Россией.

Продолжает носить односторонний характер и Восточное партнерство, запущенное в 2009 г. Повестка отношений ЕС с восточными соседями, как и прежде, формируется в Брюсселе, а содержание соответствующих документов перенасыщено тематикой угроз, связываемых им с Россией. Так, одержимость темой информационных угроз приводит к тому, что в документах, определяющих приоритеты взаимодействия Евросоюза с отдельными восточными партнерами, подчас более половины всех упоминаний стрессоустойчивости связаны именно с этим аспектом⁶⁶. При этом обеспечение информационной безопасности не является основной проблемой внутреннего развития соответствующих государств. Можно говорить о частичной подмене повестки внутреннего развития восточных соседей собственной повесткой Евросоюза.

В Сообщении о пересмотре ЕПС декларировалось намерение Брюсселя «предложить пути укрепления стрессоустойчивости партнеров ЕС перед лицом внешнего давления и их способности делать свой суверенный

⁶⁵ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy // European Union. 02.06.2016.

URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf

⁶⁶ Association Agenda between the European Union and the Republic of Moldova, 2017-2019 // Official Journal of the European Union. L 215, pp. 5-46;

Association Agenda between the European Union and Georgia, 2017-2020. 21.11.2017.

URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/annex_ii_-_eu-georgia_association_agenda_text.pdf

выбор»⁶⁷. Тем не менее пока именно подходы самого ЕС оборачиваются скорее давлением на соседей и ограничением их суверенного выбора. Так, игнорирование российских озабоченностей относительно формирования зоны свободной торговли между ЕС и рядом его восточных соседей (Украина, Молдова, Грузия) стало одной из ключевых причин действий Москвы, повлекших за собой дестабилизацию региона и кризис в отношениях России с Западом.

Введение стрессоустойчивости в повестку политики соседства пока не развернуло ЕПС в том направлении, на которое указывали бы трактовки стрессоустойчивости, доминирующие в современной науке. Академические концепции стрессоустойчивости должны были бы ориентировать Брюссель на уважение качественных внутренних особенностей и ресурсов соседей, учет своеобразия сложившихся в них общественных договоров, отказ от нормативной трактовки стрессоустойчивости. Концептуально стрессоустойчивость противостоит и выстраиванию замкнутых, управляемых из Брюсселя сфер геополитического влияния. В ГСЕС поставлена задача формирования по периметру ЕС региональных кооперативных порядков (*regional cooperative orders*), которые способствовали бы углублению сотрудничества соседей. Такие режимы по периметру ЕС в идеале должны ориентироваться в своем развитии именно на европейскую модель. Прообразами таких порядков можно считать Союз для Средиземноморья на Юге и Восточное партнерство на Востоке. Участие России в формировании систем углубленного регионального сотрудничества с общими с ЕС соседями не вписывается в эту логику сегодня.

Ярким примером является ситуация вокруг Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Перспективы его развития как торгово-экономического объединения, способствующего более равноправной интеграции государств-участниц в мировую экономику, зависят в том числе и от качества отношений этого блока с его важнейшим торговым партнером — Евросоюзом. Пока Европейская комиссия отказывает ЕАЭС в официальном признании, связывая перспективу положительного решения вопроса с выполнением Россией Минских соглашений по Украине⁶⁸. Контакты между объединениями ограничены техническим и экспертным уровнями. При этом в новых соглашениях ЕС с Казахстаном и Арменией отсутствуют упоминания ЕАЭС⁶⁹. Фактически партнеры России по ЕАЭС строят свои отношения с Евросоюзом

⁶⁷ Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions "Review of the European Neighbourhood Policy". Brussels. European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. JOIN(2015) 50 final // European Commission. 18.11.2015.
URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/neighbourhood/pdf/key-documents/151118_joint-communication_review-of-the-enp_en.pdf

⁶⁸ Кремль прокомментировал предложение укрепить торговые связи ЕС и ЕАЭС // LENTA.RU. 19.11.2015.
URL: <https://lenta.ru/news/2015/11/19/peskov>

⁶⁹ Enhanced Partnership and Cooperation Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Kazakhstan, of the other part // Official Journal of the European Union. 04.02.2016;
Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part // Official Journal of the European Union. 26.01.2018.

зом автономно. Россия вынуждена мириться с такой ситуацией, поскольку на ней также лежит доля ответственности за ситуацию, в которой оказались другие участники ЕАЭС. Например, вводя торговые ограничения в отношении Украины и контрсанкции против государств – членов ЕС, Россия де-факто отказалась учитывать соответствующие интересы и озабоченности других членов ЕАЭС.

При этом экономическая стрессоустойчивость восточных соседей Евросоюза по-прежнему связана с Россией. Значительная часть ресурсов стрессоустойчивости этих государств перед лицом таких вызовов, как безработица, необходимость продвижения национального экспорта и бесперебойного снабжения энергоносителями, проистекает из сотрудничества с Россией. Маркировка Брюсселем таких ресурсов стрессоустойчивости как «плохих» и «неправильных» мало способствует успешной политической и социально-экономической трансформации восточных соседей. ЕС зачастую не способен предложить последние приемлемые способы компенсации потерь от разрыва отношений с Россией или пути для гармоничного сотрудничества этих стран как с Россией, так и с Евросоюзом.

Таким образом, положение России в том, что касается планов ЕС по укреплению его стрессоустойчивости, неоднозначно. С одной стороны, Россия воспринимается как источник угроз, а восточным соседям, формирующим контур обеспечения стрессоустойчивости Евросоюза, предлагается по возможности искать пути сокращения зависимости от России. С другой стороны, обеспечение стрессоустойчивости не только восточных соседей, но и самого ЕС продолжает в ряде вопросов зависеть от сотрудничества с Россией. В первую очередь это касается вопросов снабжения энергоносителями, но это и торговля в целом. Россия остается и неотъемлемым элементом региональной безопасности, вывод которого за скобки чреват полной дестабилизацией.

ЕС вынужден признавать невозможность полного отказа от сотрудничества с Россией по ряду направлений. Эти реалии должны были бы приниматься Евросоюзом во внимание, если бы он желал способствовать выстраиванию многоуровневой стрессоустойчивой системы, которая включала бы не только его восточных партнеров по ЕПС, но и Россию, и, возможно, другие государства с их интересами и нормами. С теоретической точки зрения, концепция стрессоустойчивости должна была бы нацеливать Брюссель на формирование именно такой, максимально всеобъемлющей системы. Однако пока дискурс и практика Евросоюза далеки как от реалий региона, так и от академических подходов к стрессоустойчивости.

Какую стратегию могла бы применить Россия в регионе общего соседства? Нормативные позиции Москвы сегодня здесь слабы, так как она фигурирует как нарушитель существующего порядка и потенциальная угроза суверенитету и целостности некоторых стран региона. Кроме того, Кремлю пока нечего предложить соседям по региону в качестве нормативной альтернативы. Именно поэтому продвигать модель, аналогичную ЕС, Россия не может. Однако уместно вспомнить о таких аспектах научных подходов

к стрессоустойчивости, как ненормативность и акцент на ресурсах. Россия может поддерживать стрессоустойчивость отношений с государствами региона через устоявшиеся практики экономических отношений. Сегодня, предоставляя этим государствам различные экономические преференции, продавая на льготных условиях энергоносители, Москва стремится добиться признания своего политического лидерства в регионе. И в этом состоит главная проблема: фокус на создании общего политического и нормативного пространства не может пока стать основой стрессоустойчивой системы отношений России с постсоветским пространством. Но эту функцию могут выполнить экономические практики взаимодействия, их расширение и диверсификация. Именно они, не обремененные политическими условиями и ценностными установками, могут стать основным ресурсом в условиях геополитической конкуренции с ЕС. Следование же модели лидерства ЕС, где во главу угла ставится экспорт норм и ценностей, — проигрышный для Москвы вариант, подрывающий существующие практики взаимодействия на постсоветском пространстве.

Стрессоустойчивость в политике незападных игроков

Современные дискуссии о стрессоустойчивости в международных отношениях практически всегда связаны с неолиберальной парадигмой. Тем не менее дискурс о стрессоустойчивости может развиваться и вне западных академических школ и официальных политических стратегий. В качестве иллюстраций можно рассмотреть опыт Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и КНР.

В АСЕАН понятие стрессоустойчивости как логики глобального и регионального управления присутствует не первый год. Связано это, с одной стороны, с тем, что основная часть государств-участников — реципиенты международной помощи развитию. Сотрудничество с донорами и с организациями системы ООН приводит к проникновению соответствующих концепций в дискурс Ассоциации. С другой стороны, то, что рабочий язык АСЕАН — английский, изначально создало условия для внедрения термина «стрессоустойчивость» в документы организации.

АСЕАН формировалась как объединение стран, преодолевающих проблемы, типичные для бывших колоний. В условиях Холодной войны, а также растущих амбиций КНР в регионе базовым принципом межгосударственной интеграции в рамках АСЕАН стала поддержка суверенитета и невмешательство во внутренние дела стран-участниц⁷⁰. В отличие от практики передачи части вопросов на наднациональный уровень в ЕЭС, в АСЕАН сближение происходило в формате межправительственного сотрудничества. При этом понятие стрессоустойчивости присутствует в дискурсе АСЕАН давно: первое упоминание можно обнаружить уже в учредительном Договоре о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, где понятия «национальная» и «региональная» стрессоустойчивость употребляются в контексте невмешательства во внутренние дела государств региона, продвижения ими регионального сотрудничества, основанного на взаимном уважении, самодостаточности и солидарности⁷¹. С самого начала в АСЕАН закладывается традиция понимания укрепления стрессоустойчивости как совокупности действий, предпринимаемых на правительственном и межправительственном уровнях системы. Уровни ниже государственного серьезно не рассматриваются⁷².

Попытки усилить участие организаций гражданского общества и местных сообществ в сотрудничестве в рамках АСЕАН происходят с момента приня-

⁷⁰ Байков А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / А.С. Байков. – Москва : Аспект Пресс, 2012. – С.107-108.

⁷¹ Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia. Indonesia // ASEAN. 24.02.1976.
URL: <https://asean.org/treaty-amity-cooperation-southeast-asia-indonesia-24-february-1976>

⁷² The ASEAN Declaration on One ASEAN, One Response: ASEAN Responding to Disasters as One in the Region and Outside the Region // ASEAN. 06.09.2016.
URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2016/09/Declaration-on-One-ASEAN-One-Response.pdf>

тия Устава Ассоциации в 2007 г.⁷³ На более активном вовлечении в процесс периодически настаивают и сами неправительственные акторы. В этом их поддерживают доноры помощи развитию и институты ООН, действующие в регионе. Основным каналом продвижения идей о необходимости перераспределения ответственности между правительствами и неправительственными акторами становится Секретариат АСЕАН. В таком ключе формулируются, например, задачи Ассоциации в области противодействия стихийным бедствиям. Предлагается формировать «культуру стрессоустойчивости», развивать ресурсы не только на национальном, но и на субнациональном уровнях, перераспределять полномочия от центра местным сообществам, находящимся ближе всего к потребностям людей. Уровни стрессоустойчивости (региональный, национальный, локальный) предлагается связать посредством более эффективной коммуникации⁷⁴.

Однако реализация предлагаемых подходов будет в значительной степени зависеть от воли отдельных стран-участниц. Учитывая разную степень восприимчивости последних к философии стрессоустойчивости, реализация будет носить фрагментированный характер. Так, Сингапур, в свое время британская колония, заимствовал у бывшей метрополии практику использования соответствующего категориального аппарата в сфере безопасности и управления рисками. В большинстве других государств-участников (например, в Таиланде и Вьетнаме) стрессоустойчивость используется преимущественно для коммуникации с ООН и донорами помощи развитию. Устав АСЕАН можно охарактеризовать как текст, воспроизводящий многие понятия западного дискурса глобального управления (добропорядочное управление (*good governance*), верховенство права, защита прав человека), но без немедленного и безусловного их воплощения в политической практике. Если формирование полноценного надгосударственного уровня стрессоустойчивости АСЕАН в среднесрочной перспективе невозможно, то вовлечение неправительственных акторов в процесс — более вероятно и даже естественно, учитывая значимость традиционных социальных связей на уровне местных сообществ в государствах региона. Впрочем, последнее может происходить только при условии, что усилия местных сообществ, бизнеса и организаций гражданского общества будут дополнительными по отношению к государственному уровню.

Таким образом, государства АСЕАН, по сути, используют понятие стрессоустойчивости в его неолиберальной и академической интерпретациях, т.е. не наделяют его нормативными коннотациями. Однако подчеркивается важный факт: государства АСЕАН обладают своими практиками стрессоустойчивости к шокам и могут их развивать как на субнациональном, так и на национальном уровне, оставаясь активными участниками процесса. Речь

⁷³ The ASEAN Charter // ASEAN. 16.05.2012.

URL: <https://asean.org/storage/2012/05/The-ASEAN-Charter-26th-Reprint.pdf>

⁷⁴ Paving the Way towards ASEAN Resilience and Joint Response. Accomplishment Report AADMER Work Programme (2010-2015) // ASEAN. 25.01.2018.

URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2018/01/52.-December-2017-Accomplishment-Report-of-AADMER-Work-Programme-2010-2015-Reprint.pdf-final.pdf>

ни в коем случае не идет о привнесении западных практик во внутренние дела этих стран. АСЕАН говорит с Западом на его языке, но не позволяет навязывать себе чуждые схемы поддержания стрессоустойчивости. В то же время государства АСЕАН воздерживаются от выдвижения других вариантов прочтения этого понятия.

КНР идет иным путем. Китай пока не выпустил ни одного официального документа, где бы утверждалась целостная концепция стрессоустойчивости. Однако особенности обращения к стрессоустойчивости в рамках китайского официального дискурса позволяют судить о том, что Пекин активно прибегает к этой категории для защиты своих национальных интересов. Наиболее часто эта категория осмысливается в экономическом контексте. Это характерно как для текстов официальных (речи китайских дипломатов, государственных и партийных деятелей), так и для периодических и специализированных изданий. В последних доля публикаций, где стрессоустойчивость рассматривается в экономическом ключе, в 2014-2019 гг. составила 92%⁷⁵.

В экономической тематике, в свою очередь, можно выделить два основных нарратива. С одной стороны, стрессоустойчивость осмысливается как источник экономического роста Китая. Зачастую официальные публикации, констатируя наличие у экономики КНР стрессоустойчивости, указывают и на ее ресурсы, отмечая индустриализацию, внедрение информационных технологий, рост потребления, верность политике реформ и открытости, а также масштабные инфраструктурные проекты, проводимые Китаем. Иными словами, обращение к категории «стрессоустойчивость» подчеркивает правильность экономической модели КНР и ее текущего пути экономического развития. Обнаруживаемое среди всего массива официальных текстов разногласие относительно того, следует ли Китаю и дальше наращивать свою экономическую стрессоустойчивость или довольствоваться ее уже имеющимся уровнем, свидетельствует о том, что концептуализация стрессоустойчивости китайскими политическими элитами еще не завершена.

С другой стороны, Китай, будучи крупнейшей страной-экспортером в мире, заинтересован в нормальном функционировании глобальной системы свободной торговли и обращает внимание на свой вклад в обеспечение стрессоустойчивого роста мировой экономики через противодействие протекционизму. Любопытно, что здесь стрессоустойчивость концептуализируется в категориях безопасности и угроз. Так, по поводу нынешнего торгового конфликта с США отмечается, что «высокострессоустойчивая экономика» служит гарантией того, что «никакой внешний фактор не сможет сдерживать развитие Китая»⁷⁶. Такая интерпретация стрессоустойчивости служит инструментализации успеха экономической модели Китая как ресурса внешней политики, а также позиционированию КНР в качестве сильной державы в мировой экономической системе.

⁷⁵ China National Knowledge Infrastructure // China Academic Journals. URL: <http://new.oversea.cnki.net/index/>

⁷⁶ The Facts and China's position on China-US Trade Friction. White Book // Official website of the State Council of China. 26.09.2018.
URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/09/26/content_281476319220196.htm

Очень интересным примером использования категории «стрессоустойчивость» представляется доклад Шанхайского института международных отношений «Оценка и будущее китайско-лаосского взаимодействия в области развития»⁷⁷. Опубликованный через три месяца после выхода в свет ГСЕС, данный документ выстраивает логику, аналогичную европейской: он говорит о возможности экспорта своей модели стрессоустойчивости в другую страну — Лаос. Защита ценностей либеральной демократии здесь заменяется на экономическую логику, что в целом соответствует и мировой неолиберальной экономической системе, и интересам КНР.

Китай артикулирует категорию «стрессоустойчивость» и в других сферах. Однако именно осмысление стрессоустойчивости как выгодного преимущества китайской экономической модели является тем новшеством, с которым КНР включается в глобальную нормативную дискуссию о содержании категории «стрессоустойчивость» и оспаривает таким образом западное нормативное влияние.

Итак, АСЕАН и КНР демонстрируют две стратегии использования категории стрессоустойчивости незападными акторами. Это полезно как с практической, так и с репутационной точки зрения. Изучение накопленного Западом опыта может способствовать решению локальных проблем. Одновременно участие в дискуссии о стрессоустойчивости демонстрирует вовлеченность государства и общества в ключевые дискуссии по проблемам глобального и регионального управления (в т.ч. кризисного); способность вести диалог с Западом, используя один категориальный аппарат. Кроме того, это позволяет наполнять категорию «стрессоустойчивость» оригинальным содержанием, что может быть и новым инструментом для отстаивания своих интересов на международной арене, и рекламой своего государства и общества.

Активное участие в такой дискуссии может оказаться полезным и для России. Ключевая проблема здесь в выявлении тех элементов политики, которые Москва готова представить в качестве практик, обеспечивающих стрессоустойчивость страны и могущих оказаться привлекательными для внешних игроков. Палитра возможных вариантов здесь широка, однако в то же время иная иерархия или интерпретация западных ценностей вряд ли может быть поставлена во главу угла, тем более что она отсутствует в целом у России. Различные рассуждения о России как истинной Европе и о Москве как хранительнице традиционных ценностей не могут конкурировать с идеями, которые производит Европейский союз, а, следовательно, на данном поле Россия будет проигрывать.

Логика наполнения концепции стрессоустойчивости должна исходить из регионального восприятия России и ее конкурентных преимуществ. Например, можно обратиться к мысли о стрессоустойчивости России перед вызовами терроризма. Сложный этнический и религиозный состав

⁷⁷ Assessment and prospect of China-Laos development cooperation. Report // Shanghai Institute for International Studies. 09.2016.

URL: http://en.sis.org.cn/UploadFiles/file/20170417/20170316_%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E4%B8%8E%E8%80%81%E6%8C%9D%E5%8F%91%E5%B1%95%E5%90%88%E4%BD%9C_%E8%8B%B1%E6%96%87%E7%89%88.pdf

страны — источник различных трений, но количество террористических актов в России в целом позволяет говорить о серьезной работе по их предотвращению⁷⁸. Следовательно, мы можем говорить об устоявшихся практиках стрессоустойчивости именно в контексте внутренней безопасности. Кроме того, в кризисных ситуациях роль государств в обеспечении пространства для низовых практик нередко является ключевой. Возможно, некоторые практики России в данной области также оказались бы полезными. Еще одним вариантом могла бы стать идея стрессоустойчивости государства и режима⁷⁹. Очевидным препятствием в этом направлении может стать существующая критика российского режима, однако в ряде государств российская модель не будет вызывать отторжения, поскольку она гарантирует стабильность и внутреннюю безопасность. Уместно вспомнить и о том, что КНР не выбирает целевой аудиторией своей интерпретации стрессоустойчивости США и Западную Европу, а фокусируется на бедных странах своего региона.

Интересным элементом, позволяющим создать собственное наполнение концепции стрессоустойчивости, могут стать активно развиваемые в последние годы дискурсивные практики противостояния Западу. Так, например, для многих стран Латинской Америки образ стрессоустойчивости России перед вызовами Запада и, прежде всего, США видится вполне реальным. Противостояние Западу, идея альтернативного миропорядка призрачны, ведь иной модели Москва не предлагает и продолжает пользоваться преимуществами либерального мирового порядка (например, свободным движением товаров и капитала, правовыми нормами). Но это не мешает фокусироваться Москве, да и многим другим акторам, на дискурсивных практиках, поддерживающих образ страны-мятежника. Более того, сам вызов стимулирует либеральную систему адаптироваться, в т.ч. с перспективой более полного включения в системы управления незападных акторов. По сути, российский вызов направлен на то, чтобы система продемонстрировала свою стрессоустойчивость и перегруппировала ресурсы, выйдя в новую точку равновесия.

«Стрессоустойчивость» можно рассматривать как новую норму, но норму без содержания, «пустое означающее», которое может быть заполнено разными смыслами. С точки зрения Запада (в том числе Евросоюза), идеалом является стрессоустойчивое демократическое общество, которое противостоит вызовам иных акторов международных отношений. Для других идеальна стрессоустойчивость общества перед вызовами неолиберальной экономической системы, которую олицетворяют США. Третьих привлекает противостояние однополярной системе решений в мировой политике как практика тестирования стрессоустойчивости всей либеральной мировой системы и ее перехода к новому балансу. Перед Россией в результате открывается новая возможность повысить степень своего влияния, в особенности

⁷⁸ ФСБ отчиталась о предотвращении 39 терактов с начала 2019 года // Новости Mail.ru. 16.10.2019. URL: <https://news.mail.ru/incident/39113049/>

⁷⁹ См.: Павлова Е.Б., Гудалов Н.Н., Коцур Г.В. Концепция стрессоустойчивости в политической науке: на примере биополитических практик в Российской Федерации // Политическая наука. 2018. № 1. С. 201-222.

в западных странах. Москва может воспользоваться лакуной, которую создал ЕС, постулируя свою стрессоустойчивость как норму, и предложить собственное ее прочтение, исходя из своих задач.

Об авторах

Романова Татьяна Алексеевна — к.полит.н., доцент кафедры европейских исследований СПбГУ

Павлова Елена Борисовна — к.полит.н., доцент кафедры истории и теории международных отношений СПбГУ

Трещенков Евгений Юрьевич — к.и.н., доцент кафедры международных отношений на постсоветском пространстве СПбГУ

Гудалов Николай Николаевич — к.полит.н., доцент кафедры европейских исследований СПбГУ

Тулупов Дмитрий Сергеевич — к.полит.н., доцент кафедры истории и теории международных отношений СПбГУ

Колотаев Юрий Юрьевич — стажер-исследователь СПбГУ

Коцур Глеб Владиславович — аспирант СПбГУ

Мазаник Сергей Владимирович — стажер-исследователь СПбГУ

Малова Алена Николаевна — стажер-исследователь СПбГУ

Российский совет по международным делам

Российский совет по международным делам (РСМД) – некоммерческая организация, ориентированная на выработку практических рекомендаций российским организациям, министерствам и ведомствам, задействованным во внешнеполитической деятельности.

РСМД объединяет усилия экспертного сообщества, органов государственной власти, бизнес-кругов и гражданского общества с целью повысить эффективность внешней политики России.

Наряду с аналитической работой РСМД ведет активную образовательную деятельность с целью сформировать устойчивое сообщество молодых профессионалов в области внешней политики и дипломатии.

Совет выступает в качестве активного участника публичной дипломатии, представляя на международных площадках российское видение в решении ключевых проблем глобального развития.

Члены РСМД – это ведущие представители внешнеполитического сообщества России: дипломаты, бизнесмены, ученые, общественные деятели и журналисты.

Президент РСМД, член-корреспондент РАН Игорь Иванов занимал пост министра иностранных дел РФ в 1998–2004 гг. и секретаря Совета Безопасности РФ в 2004–2007 гг.

Генеральным директором Совета является Андрей Кортунов. В 1995–1997 гг. Андрей Кортунов занимал должность заместителя директора Института США и Канады РАН.

Для заметок

Для заметок

Российский совет по международным делам

**КОНЦЕПЦИЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ (RESILIENCE):
РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ**

Рабочая тетрадь № 55/2019

Верстка — О.В. Устинкова

Источники фото на обложке:

справа внизу – EPA-EFE/OLIVIER HOSLET/Vostock Photo;

справа наверху – REUTERS/Marko Djurica/Pixstream;

слева внизу – REUTERS/Benoit Tessie/Pixstream.

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 2,5.

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ (РСМД)

Россия, 119049, Москва, 4-й Добрынинский пер., 8.

Тел.: +7 (495) 225 6283

Факс: +7 (495) 225 6284

E-mail: welcome@russiancouncil.ru

www.russiancouncil.ru